

**Нарежный Василий
Трофимович**

**Два Ивана или
Страсть к тяжбам**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Трофимович Н.**
Два Ивана или Страсть к тяжбам / Нарезный Василий
Трофимович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 102 с.

ISBN 978-5-519-98651-9

ISBN
978-5-519-98651-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВАСИЛІЙ НАРѢЖНЫЙ

ДВА ИВАНА

или

СТРАСТЬ КЪ ТЯЖБАМЪ

ПОВѢСТЬ ВЪ 2-хъ ЧАСТЯХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1890.

„Семейная Библіотека“, № 10.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 ноября 1890 г.

Типографія **А. Мучнича**, Литейный, 30.

Часть первая.

ГЛАВА I.

Полтавскіе философы.

Ужасная гроза свирѣпствовала на лѣтнемъ полуденномъ небѣ; сіяющіе огни молніи раздирали клубящіяся тучи желѣзныя; рокозущіе грома приводили въ оцѣпенѣніе все, живущее въ природѣ; неукротимые порывы вихря ознаменовали путь свой по землѣ рвами глубокими, отчего взлетало на воздухъ все растущее, начиная отъ низменной травки до возвышеннаго тополя, и проливной дождь въ крупныхъ капляхъ съ быстротою стрѣлы сыпался изъ тучъ, подмывалъ корни древесныя и тѣмъ облегчалъ усиліе вихря низвергать ихъ на землю.

Въ это время, и подлинно невеселое, два молодые странствующіе философа изъ полтавской семинаріи, изчерпавъ въ этомъ храмѣ весь кладезъ мудрости и бывъ выпущены на свою волю, пробирались по глинистой дорогѣ сквозь лѣсъ дремучій. Почти на каждомъ шагѣ они останавливались, чтобы имъ закрыть руками глаза, ослѣпляемые блескомъ молніи, или заткнуть уши, оглушаемые разрывами грома, или смыть со щекъ и выжать съ усовъ жидкую грязь, со шляпъ струившуюся.

„Вотъ настоящій Девкалионовъ потопъ“, сказалъ одинъ изъ философовъ: „для чего здѣсь такое множество безполезныхъ для насъ большихъ деревьевъ, а не видать ни одной глубокой трущобы, гдѣ бы можно было осушить и обогрѣть кости? — Какъ же неразумны были мы, любезный другъ Коронатъ, что не послушались благихъ совѣтовъ миргородскаго

протопопа, уговаривавшаго насъ остаться у него на ночь!“—Твоя правда, другъ мой Никаноръ, отвѣчалъ другой; протопопъ не напрасно предсказывалъ грозу и бурю; но ты во всемъ виноватъ. Тебя ни какъ нельзя было уговорить, чтобъ остаться, и въ безопасномъ убѣжищѣ пѣть псалмы и стихиры, и принимать рукоплесканія.—„Твоя правда“, отвѣчалъ первый съ возвышеннымъ лицомъ: „но мнѣ хотѣлось, если не къ ночи сегодня, то по крайней мѣрѣ завтра поутру обнять своихъ родителей, съ которыми я не видался цѣлыя десять лѣтъ“. — И я столько жъ времени лишенъ былъ сего удовольствія, отвѣчалъ Коронатъ: однако согласился бы еще столько жъ времени быть лишеннымъ онаго, чѣмъ сегодня достаться на ужинъ какому нибудь волку или медвѣдю.

Такимъ образомъ разсуждая, то въ слухъ то про себя, ваши молодые бѣдняки продолжали тягостный путь свой.—Вдругъ остановился Никаноръ, вздвинулъ шляпу на макушу, сложилъ персты правой руки наподобіе зрительной трубки, и приставя къ глазу, началъ куда-то присматриваться.—Коронатъ хотя не зналъ, что такое затѣялъ другъ его, однако принялъ такое жъ положеніе, и глядѣлъ туда и сюда, смотря по оборотамъ головы Никаноровой. Наконецъ сей послѣдній радостно надвинулъ шляпу на брови, и схватя пріятеля за руку, сказалъ въ полголоса: „Ну, слава Богу! Посмотри сюда, вотъ прямо противъ моего пальца, — что видишь ты?“—Ахъ, отвѣчалъ тотъ, я вижу саженьяхъ въ десяти отъ дороги, на небольшой лужайкѣ, стоящую кибитку съ опущенною циновкою.— „Такъ!“ продолжалъ Никаноръ: „а примѣчаешь ли, что подъ кибиткой лежитъ на травѣ нѣчто весьма толстое, покрытое чернымъ войлокомъ?“—Точно! это навѣрное хозяинъ укрывается отъ непогоды; вотъ не вдалекѣ и пара коней, привязанныхъ къ осинѣ.—„Пойдемъ же туда и усядемся по сторонамъ сего многоопытнаго Улисса, не ходящаго, подобно намъ, подъ дождемъ по уши въ грязи, а всегда имѣющаго при

себѣ священную эгиду Минервину, т. е. свою кибитку".—Хорошо! пусть это будетъ самъ лѣшій, то и онъ не поступитъ съ нами хуже теперешняго. Пойдемъ.

Путники, увѣщевая одинъ другаго быть неробкими, начали пробираться межъ деревьями къ вожделѣнному пристанищу. Дорогою Никаноръ молвилъ: „Однако, дружище, кто бы ни былъ лежащій подъ войлокомъ, а намъ не надобно передъ нимъ безчестить шляхетскаго своего званія. Посмотри-ка на меня пристальнѣе: на кого похожъ я?“—На того окаяннаго, отвѣчалъ Коронатъ, который, вопія подъ ударами огненнаго меча Архангела Михаила, клубится по землѣ у ногъ его.—„То-то же! И ты, какъ двѣ капли воды, похожъ на того же ратоборца съ нетопырьими крыльями.“—Какъ же быть? Мы не скоро можемъ опять походить на людей.—„А вотъ что: если незнакомецъ будетъ любопытенъ, и захочетъ знать, кто мы, куда и откуда, то скажемъ, что мы дьячковскія дѣти изъ Полтавы; что пользуясь вакантными днями, расхаживаемъ по полямъ и лѣсамъ, по городамъ, хуторамъ и селамъ, поемъ православнымъ душеполезные стихиры и говоримъ рѣчи: симъ средствомъ стараемся собрать столько денегъ, чтобъ по возвращеніи въ дома можно было одѣться въ новое платье“.—Щегольская выдумка!—„Пойдемъ же“.

Не говоря ни слова, притаивая дыханіе, они пошли далѣе, достигли вскорѣ своей эгиды, сколь возможно тише усѣлись подъ оною, сняли шляпы и начали полегоньку щипать траву и вытирать ею лица свои. Вскорѣ дождь и вихрь поутихли, тучи мало по-малу разсѣвались и летѣли къ востоку. На западномъ небѣ начало просіявать багровое чело солнца, готовящееся вскорѣ опочить за предѣлами нашего небосклона.

ГЛАВА II.

Нечаянная встрѣча.

Тутъ философы увидѣли, что войлокъ пошевелился, послышалась сильная зѣвота, и медленно по-

казались двѣ ноги, сейчасъ послышался басистый голосъ: ну, что ты? и еще двѣ ноги выставились.

Мои студенты всполошились, да и не диво: всякая нечаянность приводитъ насъ въ недоумѣніе, а недоумѣніе рождаетъ боязливость, отсутствіе духа и дѣлаетъ неспособными ни къ чему путному. Однакожъ надобно отдать справедливость, что ученые витязи не долго пробыли въ мучительной нерѣшимости; они отважно взглянули одинъ на другого, придвинули къ себѣ странническіе посохи, похожіе на булаву Геркулесову, и Никаноръ пошепталъ что-то на ухо своему спутнику. Они погладили чубы, раздвинули усы, раздули щеки, открыли рты, и съ величайшею отвагою возопили: „Заблудихъ, яко овча погибшая; погна врагъ душу мою; посади мя въ темныхъ, и уны во мнѣ духъ мой!“

Въ продолженіе сего сладкогласія войлокъ шевелился, и по движенію его примѣтно было, что скрывающіеся храбрецы усердно крестились, а это не мало ободрило студентовъ, ибо они удостовѣрились, что слушатели ихъ не лѣшіе и не вовкулаки. *) Чтобы себя болѣе показать и задобрить хозяевъ кибитки, полтавскіе Амфіоны смигнулись, раздули щеки пуще прежняго, и съ ужаснымъ громомъ заревѣли:

„Отрыгнуть устнѣ мои пѣніе, провѣщаетъ языкъ мой словеса твоя“.

Съ нами крестная сила! что за бѣсовщина! раздались голоса изъ подъ войлока: онъ быстро открылся до половины, и двое пожилыхъ мужчинъ, приподнявшись, усѣлись противъ студентовъ; закатывающееся солнце багряными лучами освѣщало лица сихъ послѣднихъ, испещренныхъ засыхающею грязью. Разумѣется, что съ появленіемъ грозныхъ восклицателей отважные пѣвчіе взглянули на нихъ хотя безъ робости, однако и не безъ замѣшательства, опустили взоры въ землю и сжали губы.

*) По суевѣрному преданію симъ именемъ называются оборотни, имѣющіе туловище волчье и бѣгающіе на шести рукахъ и столькихъ же ногахъ лѣнкихъ.

Хозяева кибитки, и по самой наружности, казалось, были люди степенные и не простые. Они одѣты были въ синія черкески, и у одного висѣла при боку ужасная сабля, а другой имѣлъ за поясомъ кожаный футляръ, въ какихъ обыкновенно приказные грамотѣи носятъ свинцовую чернильницу, нѣсколько перьевъ, ножикъ съ придѣланною къ нему печатью и палочку сургучу. Они захотѣли знать о житьѣ-бытьѣ гостей своихъ, о ихъ родѣ и племени, и друзья удовлетворили ихъ желанію по сдѣланному прежде условію. Тутъ человѣкъ при саблѣ, положи сей признакъ своего рыцарства къ себѣ на колѣна, воззвалъ: „Если вы и впрямь честные парни и ни чѣмъ другимъ не защищаете себя отъ голода и холода, какъ только однимъ распѣваньемъ душеполезныхъ стихиръ, то я могу васъ поздравить съ находкою. Вы видите въ насъ двухъ изъ первостатейныхъ шляхтичей въ большомъ селеніи, за пятнадцать верстъ отсюда лежащемъ. Оно называется село Горбыли. Отъ самыхъ отроческихъ лѣтъ до полусѣдыхъ усовъ мы были друзья, и надѣмся, что останемся друзьями до опущенія въ могилы. Мы оба называемся Иванами, а для различія насъ въ постороннихъ бесѣдахъ, съ нѣкотораго времени стали называть меня Иваномъ старшимъ, а друга моего Иваномъ младшимъ. Послѣ завтра настанетъ въ селѣ нашемъ большой, всеобщій праздникъ, именно ярмарка, по случаю дня Ивана Купала *), а въ домахъ нашихъ не меньше радостный праздникъ потому, что мы оба именинники, и въ томъ день торжествуемъ на выказку. Если вы согласитесь погостить въ домахъ нашихъ нѣсколько дней и повеселить насъ и друзей нашихъ пѣніемъ и сказываніемъ похвальныхъ рѣчей, на что весьма удалы вообще всѣ церковники, то увѣряю моею шляхетскою честью, что идти далѣе и драть горло вы

*) Такъ называется праздникъ Іоанна Крестителя, торжествуемый 24 іюня. Онъ и понынѣ сопровождается многими суевѣрными обрядами, оставшимися отъ древнихъ временъ.

не будете имѣть надобности, ибо я одѣну васъ съ ногъ до головы въ новыя платья".—А я, прервалъ его человѣкъ съ кожанымъ футляромъ,—надѣлю на дорогу всѣми житейскими припасами, коихъ достаточно до самой Полтавы, а сверхъ того въ карманахъ вашихъ звенѣть будетъ по нѣскольку золотыхъ. Какъ же это кстати! Въ селѣ Горбыляхъ есть довольно пановъ Ивановъ, кои также въ именины свои захотятъ повеселиться и потѣшить другихъ; у нихъ, конечно—благодаря ярмаркѣ—запляшутъ медвѣди, зазвонятъ цимбалы и загудятъ гудки, въ чемъ и у насъ недостатка не будетъ; но въ добавокъ—въ свѣтѣлкахъ нашихъ раздастся сладкое пѣснопѣніе, чѣмъ уже имъ похвастаться не удастся. „И такъ, студенты, если вамъ нравится наше предложеніе, и вы хотите, чтобъ мы устояли въ своемъ шляхетскомъ словѣ, то дайте обѣщаніе, что не прельститесь никакими обѣщаніями другихъ пановъ, и что-бы они вамъ ни обѣщали, не заглянете на дворы ихъ, и передъ ихъ окнами даже рта не разинете. Что вы на это скажете?“

Студенты пришли въ немалое замѣшательство, посматривали на шляхтичей, другъ на друга, и не знали, что отвѣчать. Однакожъ, Никаноръ, первый одумавшись, съ видомъ чистосердечія сказалъ: „Почтенные паны! Ваши ласковыя слова стоятъ, чтобъ и мы были съ вами откровенны. Не скроемъ отъ васъ, что хотя мы теперь, по изволенію разъяренныхъ стихій, походимъ болѣе на оборотней, чѣмъ на созданіе Божіе, однако было бы вамъ извѣстно, что оба принадлежимъ къ сословію благороднаго шляхетства, и хотя родители наши не могутъ назваться богачами, но и не бѣдны, и мы оба, проживши въ Полтавѣ по десяти лѣтъ, не имѣли нужды ни въ пищѣ, ни въ одеждѣ, ни въ пристанищѣ. Конечно, пріятно было бы для насъ, послѣ столь продолжительной отлучки, явиться въ дома отцовскіе въ новой одеждѣ и съ деньгами, чѣмъ мы самимъ себѣ были бы обязаны; но и того весьма не хочется, чтобы провести не у нихъ наступающій праздникъ, ибо

наши отцы называются Иванами, и ко дню тезоименитства ихъ изготовлены у насъ прекрасныя кантаты и похвальные рѣчи“.

Пляхтичи посмотрѣли одинъ на другого съ недоумѣніемъ, и взоры ихъ просіяли.— „Когда такъ!“ вскричалъ Иванъ старшій: „какъ имена ваши, какъ прозываются родители, и гдѣ ихъ жительство?“—Когда мы отправляемы были въ Полтаву, отвѣчалъ Никаноръ, то они жили въ хуторахъ своихъ, расположенныхъ на небольшой безымянной рѣчкѣ, впадающей въ рѣку Пселъ, не вдалекѣ отъ села Горбылей; меня зовутъ Никаноромъ, а отца моего Иваномъ Зубаремъ.—А я, подхватилъ другой, называюсь Короа-томъ, а отца моего Иваномъ Хмарою.

„О вы, Святые Угодники Кіевскіе! о всеблагая Мати Ахтырская!“ вскричали въ одинъ голосъ два Ивана, и вскочили на ноги. Студенты, не зная сами для чего—то же сдѣлали; тутъ старики повисли на ихъ шеяхъ, и обильныя слезы заструились по щекамъ ихъ.— „Возможно ли!“ возопилъ всхлипывая одинъ Иванъ: „и сердце твое, сынъ мой, ничего тебѣ не сказало при первомъ на меня взглядѣ?“—Какъ это случилось, говорилъ сквозь зубы другой Иванъ, что я не узналъ тебя, мой любезный сынъ?—Юноши стояли сначала неподвижно; но вскорѣ нѣжность родителей, ихъ ласки и привѣтствія разлили въ сердцахъ дѣтей сладостное чувство любви и благодарности: глаза ихъ померкли отъ выступившихъ слезъ, и они въ безмолвіи лобызали щеки и обнимали колѣна отеческія.

ГЛАВА III.

Начало тяжбы.

„Какимъ образомъ это случилось“, воззвалъ Иванъ старшій, „что вы прежде положеннаго срока здѣсь очутились? Мы торжественно условились съ начальствомъ семинаріи, что не прежде васъ обоихъ возьмемъ въ свои дома, какъ по истеченіи полныхъ двѣнадцати лѣтъ вашего тамъ пребыванія; а срокъ сей

исполнится еще черезъ два года“.—Мы кончили курсъ философіи въ продолженіе десяти лѣтъ; намъ нечего уже было тамъ дѣлать; и чтобъ мы по пустому не тратили времени, начальство исключило насъ изъ списковъ.—„Хорошо“, сказалъ Иванъ старшій: „и такъ, намъ ничего нельзя сдѣлать лучшаго, какъ поворотить оглобли назадъ и порадовать прибытіемъ вашимъ свои семейства“.—И впрямъ такъ, замѣтилъ Иванъ младшій: оставимъ покудова судей въ покоѣ, и пусть виноватые безъ остановки и помѣшательства отпразднуютъ дни ярмарочные. Вѣдь этого никто не назоветъ трусостью?—„Сохрани отъ того Богъ всякаго, кто на сей грѣхъ покусится!“ вскричалъ Иванъ старшій: „онъ навлечетъ тѣмъ на себя новую и самую упорную тяжбу“.—Тяжбу? воскликнули оба студента. Не уже ли и подъ мирными сельскими кровлями можетъ обитать тяжба, это истинное порожденіе ада?—„Не только подъ нашими соломенными крышами укрывается это адское чадѣ“, отвѣчалъ Иванъ младшій, „но оно тамъ угнѣздилося, породило чадъ и внучатъ, и не выродится до дня Страшнаго Суда. О нашей тяжбѣ я расскажу вамъ въ свое время, въ надеждѣ, что вы, какъ благодарныя дѣти, а притомъ и шляхтичи, примете въ семъ дѣлѣ живое участіе“.

Въ силу послѣдовавшаго совѣщанія всѣ принялись за работу: одинъ Иванъ впрягалъ лошадей, другой выжималъ воду изъ цыновки, закрывавшей кибитку, студенты обивали грязь съ колесъ и боковъ ея, и такъ далѣе. Когда все было готово, то отцы усѣлись на козлахъ, сыновья на облучкахъ, и перекрестясь, пустились въ путь, въ продолженіе коего имъ не встрѣтилось уже никакого препятствія.

Въ самыя сумерки вѣхали они въ селеніе, и остановились на дворѣ Ивана младшаго. На ту пору и семейство Ивана старшаго было тамъ же, и когда матери горевали о злой участи всѣхъ позывающихся *), а бывшую ужасную непогоду приписы-

*) Позываться есть техническое слово, и значитъ: судиться, тягаться.